

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	5
Глава II	20
Глава III	33
Глава IV	45
Глава V	51
Глава VI	62
Глава VII	73
Глава VIII	82
Глава IX	91
Глава X	100
Глава XI	111
Глава XII	119
Глава XIII	126
Глава XIV	133
Глава XV	140
Глава XVI	146
Глава XVII	153
Глава XVIII	163
Глава XIX	174
Глава XX	187

Глава XXI	196
Глава XXII	209
Глава XXIII	216
Глава XXIV	232
Глава XXV	239
Глава XXVI	248
Глава XXVII	263
Глава XXVIII	282
Глава XXIX	293
Глава XXX	302

АНЖЕЛИКА

Утро началось так, как начинаются дни, когда тебе больше некуда бежать, когда последняя надежда угасает, словно свеча на ветру. Все окутано дымкой — плотной, удушающей, безжалостной. Голоса звучат приглушенно, словно доносятся из другого мира, как в снежную бурю, когда не видно и шага впереди, когда даже собственные следы исчезают в белом безмолвии.

В доме царит лихорадочная суета. Шелест дорогих атласных платьев напоминает шуршание осенней листвы, звон хрустальных бокалов с шампанским отдается серебряными колокольчиками, искусственный смех и натянуто-оживленные

разговоры наполняют пространство фальшивой радостью. Дорогие французские духи насыщают воздух густым, приторно-сладким ароматом жасмина и розы, который душит меня, как невидимая удавка. Это должно быть торжеством, праздником души и сердца. Но для меня это совсем не праздник — это казнь в белых кружевах, это погребение заживо.

Я стою перед старинным венецианским зеркалом в золоченой раме. Бледная, как мраморное полотно, как саван покойницы. Словно кто-то искусной кистью вытянул из меня все краски жизни, оставив лишь серый, безжизненный призрак. Мои алые губы сжаты в тонкую нить, как будто они отчаянно удерживают что-то внутри — крики отчаяния? Рыдания боли? Проклятия? Нет, ничего этого я не хочу выпускать наружу. В зеркале отражается мертвое, восковое лицо девушки, которая сегодня должна выйти замуж. Лицо девушки, которая уже умерла внутри, чья душа превратилась в пепел.

Белоснежное платье окутывает мое хрупкое тело шелковыми объятиями, но оно не кажется мне нарядом невесты. Скорее похоже на погребальный саван, на последнее одеяние перед вечным сном. Белое, как горный снег, как арктический лед, как безжалостная смерть. Я пытаюсь вжиться в эту навязанную роль, но все кажется каким-то неправильным, искаженным, словно я смотрю

на мир через кривое зеркало. Все эти изысканные брюссельские кружева и сверкающие жемчужные блески — как ненужные, издевательские украшения на мраморном гробе. Все эти люди, все эти нарядные гости — почему они радуются, словно безумцы? Почему улыбаются своими фарфоровыми улыбками? Ведь это не свадьба — это похоронный звон по моей любви, по моей жизни.

Внутри меня зияет черная пустота, бездонная, как колодец. Сердце бьется медленно, тяжело, словно маятник старинных часов, как будто каждый удар отзывается в костях глухим, зловещим стуком. У меня нет больше ни искорки радости, ни капли счастья. Только одна мысль сверлит мозги, как раскаленное докрасна железо. *Чезаре будет венчать нас.* Как он посмотрит на меня своими синими, как морская глубина, глазами? Удастся ли ему сдержать свои бурлящие чувства? Сможет ли он произнести священные слова, которые навсегда свяжут меня невидимыми цепями с другим мужчиной?

Я чувствую себя преданной — не Рафаэлем с его холодными расчетами, не мамой с ее честолюбивыми планами. Собой. Себя предала, себя продала за фамильную честь. Я должна выйти за него ради семьи, ради священного долга. Ради матери с ее стальной волей, ради громкого имени, ради того, что должно быть правильным в глазах общества. Но что может быть правильного в том,

чтобы разорвать свое пылающее сердце на кровавые части и скормить их тому, кого ты не любишь, кого ненавидишь каждой клеточкой своего существования?

Я закрываю глаза, чтобы не видеть свое жалкое отражение. Меня тошнит от себя — от своей слабости, от своего малодушия. Тошнит от того, что я делаю, от того, что вынуждена делать. Закрыв веки, я вижу его — Цезаре. Он там, в древней церкви, ждет меня. Ждет нас троих — жертву, палача и свидетеля собственной казни. Как он выдержит это испытание? Как я выдержу? Как мне жить дальше с этой незаживающей раной в душе?

Резкий звук хлопающей двери вырывает меня из этой черной, липкой пустоты забвения.

— Время пришло, — произносит мать ледяным тоном, ее дрожащий голос выдает нервное напряжение, скрытое под маской торжественности. Карие глаза блестят хищно, как у пантеры, готовой к смертельному прыжку. Она счастлива, потому что я, по ее железному убеждению, тоже должна быть счастлива. Потому что это — ее звездный час, ее триумф, не мой. День ее славы и общественного признания.

Я безмолвно киваю, не глядя на нее, не желая видеть это торжествующее лицо. Мой потухший взгляд по-прежнему прикован к мертвенному отражению. Роскошный черный лимузин с зеркально-тонированными стеклами ждет у парад-

ного входа, как катафалк. Я не чувствую под ногами мраморного пола, когда медленно спускаюсь по широкой лестнице. Все происходит как в густом тумане, как в кошмарном сне. Я сажусь в прохладный салон машины, отец Рафаэля — губернатор — устраивается рядом с почтительной важностью. Его тяжелая рука на моем дрожащем плече — увесистая, как свинцовая гиря. Он говорит что-то успокаивающее, но я не слышу слов. Только монотонный гул. Гул моего сердца, которое вот-вот взорвется от боли.

Машина плавно трогается, и я вижу, как знакомые дома Сан-Лоренцо проносятся мимо затемненных окон. Лица прохожих превращаются в неясные пятна, их глаза неразличимы, их улыбки нереальны, как у восковых фигур. Они кричат что-то восторженное, радостно машут, но все это теряется в густом сером тумане моего отчаяния. Моя голова откинута назад на кожаное сиденье, глаза плотно закрыты. Я пытаюсь не дышать, не думать, не чувствовать. Только бы доехать и не сойти с ума, не закричать во весь голос.

Церковь Сан-Лоренцо. Древние белые каменные стены возвышаются передо мной, как неприступная крепость, которая должна защитить или безжалостно уничтожить. Готические башни пронзают небо острыми шпильями. Я выхожу из машины на подгибающихся ногах, моя ледяная рука — в теплой руке губернатора, ведь он был лучшим,

закадычным другом моего покойного отца, это так естественно, что именно он ведет меня к алтарю... чтобы я вышла за его сына, которого ненавижу всем своим израненным сердцем. И его пальцы холодны, как мрамор надгробия. Я не чувствую человеческого тепла. Не чувствую ничего, кроме зияющей пустоты.

Нарядные гости собираются у резного входа, их лица светятся неподдельной радостью и любопытством. Они смотрят на меня восхищенными взглядами, но я не вижу их глаз. Они говорят мне изысканные комплименты, но их слова не доходят до меня, растворяются в воздухе. Вся их праздничная радость кажется такой фальшивой, такой чужой, такой далекой от моей реальности. Я медленно иду по мраморной дорожке, усыпанной алыми розовыми лепестками, но каждый шаг дается мне с нечеловеческим трудом.

И вот я вижу ЕГО.

Чезаре стоит у белого мраморного алтаря, словно изваяние. В черной, как смоль, сутане, подобно самому мраку преисподней. Его пронзительные глаза впиваются в меня, прожигают до самой глубины души огненными стрелами. Это взгляд не смиренного священника, не святого человека, который должен нас благословить на семейное счастье. Это взгляд падшего ангела,

взгляд самого дьявола. В этих синих омутах нет ни христианского прощения, ни божественного мира. Только жгучая боль и черная ненависть к судьбе.

Моя голова идет кругом, как в лихорадке. Пытаюсь смотреть на него, но его испепеляющий взгляд — как заточенный нож в самое сердце. Я чувствую, как ледяные капли пота скатываются по моей дрожащей спине, как предательски трясутся мои подкашивающиеся ноги.

Губернатор ведет меня к алтарю, как безгласную овцу на заклание. Каждый шаг — как острым лезвием по живым венам. Каждый вздох — как последний в жизни. Я подхожу все ближе и ближе к своей судьбе, и его магнетический взгляд становится все более пронизывающим, все более невыносимым, жгучим. Я знаю, что он чувствует в эти проклятые минуты. Я знаю, о чем он думает. Он тоже знает, что творится в моей душе. Но между нами лежит непреодолимая пропасть. Пропасть, которую мы не можем преодолеть, которая разделит нас навечно.

Я останавливаюсь перед ним на дрожащих ногах, и он начинает говорить торжественные слова. Его бархатный голос звучит глухо, надтреснуто, словно доносится из потустороннего мира. Священные слова молитвы льются из его побледневших уст, но я не понимаю их смысла. Чувствую

только его сердечную боль. Только его безграничное отчаяние. И свою нестерпимое страдание... Почему мы так жестоко прокляты судьбой? Почему я полюбила именно этого недоступного мужчину? За что я так беспощадно наказана этой дикой болью, этим сводящим с ума безумием, этим бешеным, всепоглощающим желанием быть только с ним?

Я смотрю на него голодными глазами, и мои губы предательски дрожат. Я отчаянно пытаюсь удержать жгучие слезы, пытаюсь отвернуться от него, но не могу оторвать взгляда. Он — все, что я вижу в этом мире. Он — все, что я чувствую. Он — мое все, моя жизнь, мое проклятое сердце...

Рафаэль стоит рядом, словно тень, его холодная рука лежит на моей. Он говорит мне что-то важное, но я не слышу его голоса. Он для меня — всего лишь призрак, пустая тень, манекен. Я знаю, что он думает, что именно он чувствует в этот момент. Но это не имеет никакого значения. Потому что в этот священный и проклятый момент есть только я и Цезаре. Только мы двое в целом мире.

Я не могу дышать. Не могу двигаться. Все вокруг замирает в неподвижности. Все, кроме его гипнотических глаз. Его пожирающий взгляд — мой тяжелый крест. Мое жестокое проклятие. Мое справедливое наказание. Такие синие, как летнее

небо, такие бездонные, как морская пучина, такие манящие, как запретный плод. И сейчас темные, грозовые, как разбушевавшееся небо перед бурей... Я помню, какие его губы на вкус — горьковато-сладкие, как дорогое вино. И нет других губ для меня в этом мире. Я никогда не забуду, как страстно он целовал меня, как пахнет его горячее дыхание — мускусом и грехом.

Он венчает нас священными словами. Он связывает нас церковными клятвами, которые становятся как железные цепи, как тяжелые оковы, как пожизненная тюрьма. Я чувствую, как меня тянет вниз, как я медленно тону в его пронзительном взгляде. Тону в его жгучей ненависти к судьбе. Тону в его безответной любви ко мне.

И я с ужасом понимаю — это не свадьба, не торжество. Это смерть. Моя духовная смерть. Смерть моей единственной любви. Смерть последней надежды. Но я должна пройти через этот ад до конца. Должна завершить этот крестный путь. Ради семьи и ее чести. Ради священного долга. Ради того, что называют судьбой.

ЧЕЗАРЕ

Утро пришло, как приговор. В церкви еще царит мрачная пустота. Только я и мои смертные грехи, мои проклятые страсти.

Мертвенная тишина разрывает мою грешную душу на кровавые части. Я чувствую ледяной холод мраморного алтаря под своими дрожащими пальцами. Чувствую, как тяжело, прерывисто дышу, как воздух вырывается из сдавленных легких и вылетает ледяным облаком в утреннем свете, пробивающемся через цветные витражи. На мне церковная сутана — весит, как мельничный камень, как бремя всех грехов мира. Она давит на плечи свинцовой тяжестью, тянет вниз, в преисподнюю. Я сжимаю кулаки так свирепо, что ногти впиваются в ладони до крови. Но это ничего не значит, это ничтожная боль. Я уже не чувствую физических страданий. Только всепоглощающую горечь полыни. Только смертельное отчаяние.

Сегодня моя бессмертная душа будет разорвана на мельчайшие части, растерзана, как дичь, и никто этого не увидит. Никто, кроме Всевидящего и меня, проклятого.

Я поднимаю потухшие глаза на величественные своды церкви. Они смотрят на меня, как безмолвные судьи, как свидетели моего падения. Бог молчит, словно отвернулся от меня. Я слышу только зловеющий шепот своих богохульных мыслей и глухое, жуткое эхо приближающихся шагов. Ближе, все ближе... Эти шаги подводят меня к роковому концу. К моему духовному концу, к моей гибели.

Анжелика. Моя единственная, недоступная Анжелика. Девушка с изумрудными глазами, которая дрожала в моих грешных руках, девушка, чей сладостный вкус до сих пор горит у меня во рту, как расплавленный металл.

Внезапно раздается оглушительный шум — массивные двери распахиваются настежь. Золотистый свет заливает церковь потоками, пробивается через разноцветные витражи, как алая кровь, струящаяся по священному стеклу. Люди входят один за другим величественной процессией, их лица, размытые в моем воспаленном сознании, голоса сливаются в единый шелест осенних листьев. Для них это долгожданный праздник, светлое торжество. Для меня — собственные похороны, отпевание живого.

Я смотрю на разодетых людей, но никого не вижу, не различаю. Мои глаза застилает кровавый туман ненависти и боли. Все они — бесплотные призраки из другого мира. Призраки, которые собрались, чтобы забрать мою душу, чтобы поглотить остатки того святого, что еще теплилось во мне. Они беззаботно смеются, злорадно шепчутся, сверкая искусственными улыбками. Не знают, что сегодня я собственными руками убиваю свое пылающее сердце. Не знают, что сегодня я кладу его на жертвенный алтарь, как агнца.

Но мне все равно на их невежество. Потому что она здесь, совсем рядом.

Моя Анжелика. Которая никогда, никогда не станет моей женой.

Я слышу ее шаги — легкие, воздушные, как дыхание ангела. Она входит в церковь — и весь мир замирает в благоговении. Время прекращает свое течение. Вся вселенная останавливается, как будто Всевышний наконец-то решил сделать паузу, остановить эту пытку. Она идет по центральному проходу медленно, плавно, как по зеркальной воде. Кружевной шлейф ее подвенечного платья скользит по мраморному полу, как утренний туман. Белоснежное платье — символ девственной чистоты, ангельской невинности, но я вижу за этим ослепительным белым мраком ее души. Я вижу ее истерзанное сердце, вижу, как она рыдает кровавыми слезами. Вижу, как внутри нее все кричит от нестерпимой боли.

Она моя — была, есть и будет. Всегда была предназначена мне. Всегда будет принадлежать мне, несмотря ни на что. Такая неземная, ослепительно красивая, сводящая с ума своей божественной красотой. Иссиня-черные волосы струятся по хрупким плечам шелковистыми волнами, изумрудные глаза влажно блестят невысохшими слезами.

Но сегодня она уйдет от меня навсегда. Сегодня я потеряю ее из-за другого мужчины. Сегодня я умру.

Ее глаза подняты к расписному небу, но я знаю, что она остро чувствует меня. Знаю, что ощущает мой испепеляющий взгляд, как острие отточенного кинжала на своей нежной коже. Она изо всех сил делает вид, что все в полном порядке, что она счастливая невеста. Но я вижу, что она дрожит, как осиновый лист. Вижу, как ее хрупкие плечи едва заметно трясутся под непосильной тяжестью этого проклятого дня.

Медленно, словно в кошмарном сне, она идет ко мне. Я должен венчать ее по всем церковным канонам. Я должен произнести священные слова, которые навсегда свяжут ее железными узами с ним. С Рафаэлем. С этим проклятым, чертовым ублюдком, который принуждает ее к браку. Он стоит рядом с ней, как торжествующий победитель, как тот, кто выиграл главный приз в лотерее. Его самодовольные глаза горят триумфом. Он думает, что заполучил ее сердце и тело. Он не знает, что его ждет впереди. Не знает, что она никогда не будет принадлежать ему. Никогда, ни при каких обстоятельствах.

Она делает еще один мучительный шаг навстречу своей судьбе. Я вижу ее ангельское лицо, вижу фиолетовые тени под глазами, вижу, как ее алые губы дрожат от едва сдерживаемых рыданий. Она отчаянно пытается не сломаться. Ставит одну ногу перед другой, скользит осторожно, как по тонкому льду над бездной. Она вся бледная,